

УДК 323

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНЦЕПТ И ПРАКТИКА

М.Х. Фарушкин

Аннотация

В статье рассматриваются наиболее важные аспекты концепта «этническая идентичность», раскрывается содержание двух его форм – самоидентификации и внешней идентификации. Показана практическая роль этнической идентификации для статуса этнической группы, этнической мобилизации, формирования общегражданской идентичности.

Ключевые слова: этничность, идентичность, идентификация, самоидентификация, внешняя идентификация, этническая мобилизация, этническая группа, общегражданская идентичность, виды идентичности, референтная группа, стихийная ассимиляция, насильственная ассимиляция.

Идентичность есть установившееся тождество субъекта с определенным объектом. Идентичность следует отличать от идентификации. Идентичность есть результат, показывающий принадлежность человека к конкретной социальной группе, институту или территории, которые в данном случае выступают в качестве объектов идентификации. Сама же идентификация есть процесс, характеризующий установление связи (принадлежности) человека с одним из перечисленных объектов. Это оценка и признание связи не самим индивидом, а со стороны «других». Собственная же оценка и признание человеком своей принадлежности к чему-либо называется самоидентификацией.

Идентификация имеет под собой объективное и субъективное основания и выражается в двух формах: самоидентификации и внешней идентификации. В первом случае происходит осознание человеком своего Я. В наиболее полном виде самоидентификация предполагает осознание личностью своих потребностей, интересов и жизненных планов, собственный выбор методов их реализации, понимание своего места и роли в окружающей среде, определение референтной группы (групп). Хотя самоидентификация, как правило, не может происходить в полном отрыве от объективной действительности, субъективность в ней все-таки преобладает. Самоидентификация – это всегда внутренний выбор.

Внешняя идентификация представляет собой осознание человеком своей принадлежности к тем или иным элементам внешней среды и связи с ними, которое превращается в устойчивое внутреннее ощущение. В основе этой идентификации лежит объективный факт: действительная принадлежность человека либо к определенной социальной группе (например, к классу, этносу, поколению сверстников, трудовому коллективу и т. д.), либо к институту

(к партии, государству, профсоюзу, семье и т. д.) или связь с местом рождения – регионом (малой родиной), страной (большой родиной). И хотя данная форма идентификации предполагает наличие внешнего ориентира (референтной группы), она означает сознательный выбор объекта идентификации и в этом смысле сближается с самоидентификацией.

С точки зрения практической значимости одним из наиболее важных видов идентификации является этническая идентификация, иначе говоря, осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу, этнической группе. Эта принадлежность может быть реальной, когда человек разделяет ценностные ориентации и традиции этноса, знает его язык и культуру, искренне радуется успехам и болезненно переживает неудачи представителей определенной этнической группы, и формальной, когда человек утрачивает некоторые черты, свойственные его этнической группе (например, не знает или плохо знает язык этнической общности), но тем не менее отождествляет себя с ней и переживает за ее судьбу.

Однако для понимания этнической идентичности недостаточно учитывать только факт принадлежности. Понятие идентичности включает в себя важный субъективный момент – осознание указанной принадлежности самим человеком (самоидентификация). Например, «...в мире этнической политики имеет значение то, как группа видит себя, а не то, как ее определяют другие» [1, р. 2]. Конечно, вполне возможна ситуация, когда человек не считается со своей принадлежностью, например, к определенной этнической группе, не придает ей какого-либо значения. В этом случае идентификация существует, если указанная принадлежность признается другими людьми, которые относят данного человека к определенной этнической группе (идентифицируют его с ней).

Таким образом, только сочетание объективного факта принадлежности человека к определенной социальной группе, институту или территории и осознания этого факта самим человеком или другими людьми (субъективная составляющая) и образует содержание понятия «идентичность». Человек никогда не теряет идентичность вообще. Идентичность его может меняться, какой-то вид идентичности может исчезать (например, человек навсегда порывает связи с партией или с определенной территорией), но никогда человек не теряет какую бы то ни было идентичность. Даже космополиты идентифицируют себя по крайней мере с человечеством в целом.

Идентичность формируется не только на основе того, кто «мы» и кого «мы» любим, но и на основе того, «кем “мы” не являемся» и «кого “мы” боимся или ненавидим» [2, р. XIV]. «В то время как мы повседневно не осознаем способ, которым конструируется наша субъективность, мы постоянно осуществляем мониторинг нашего окружения и устанавливаем референтные точки, присоединение к разделяемым ценностям и верованиям и противопоставление с другими, с которыми мы имеем меньше общего – или с теми, которые изображаются в качестве врагов нашего общества» [2, р. 9].

Этническая идентичность, идентификация и самоидентификация играют исключительно важную роль в общественно-политической жизни общества. Между этнической идентичностью, с одной стороны, и однородностью и единством этнической общности, с другой, существует прямая зависимость: чем

крепче этническая идентичность, тем сильнее этническая группа. При слабой этнической идентичности существует угроза распада этнической группы, ее ассимиляции. В контексте этнической идентичности чрезвычайно важно учитывать, на какой основе происходит ее формирование: на основе толерантности к другим этническим группам и общегражданской идентичности или на основе самоизоляции, отчужденности или даже враждебности ко всем тем, кто «не мы».

Идентичность предполагает определенное совпадение некоторых интересов тех, кто разделяет эту идентичность. Ссылки на нее используются для убеждения людей в общности их интересов, в необходимости их коллективной защиты от «других», «чужих», в число которых могут попасть чиновники или власть в целом.

На формирование любой идентичности оказывает воздействие огромное число факторов внутреннего и внешнего порядка. Можно согласиться, например, с выводом, что «страх дезинтеграции пространства был, несомненно, одним из сильнейших факторов, формирующих политическую идентичность в постсоветской России» [3, р. 16]. Опыт террористических атак против мирного населения и боязнь их повторения усилили в общественном сознании идентификацию терроризма с представителями определенных этнических групп.

В стремлении сохранить и укрепить национальную государственность татарского народа и его этнополитическую идентичность частыми являются ссылки на историческую память народа, имевшего в прошлом свою национальную государственность, разрушенную в результате агрессии с целью захвата чужих земель и богатств. Взятие Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. до сих пор болезненно отражается в этническом и политическом самосознании некоторой части населения Татарстана, одним из выражений которого является ежегодное проведение «Дня памяти» в честь героических защитников города. Это пример представления, укоренившегося в сознании значительной части татар и характеризующего одну из особенностей региональной политической культуры, а также пример практической значимости этнополитической идентичности.

Историческая память народа и сохраняющаяся идентичность нередко выступают в качестве плацдарма, опираясь на который народ предъявляет свои требования. Притязания ингушского народа на Пригородный район, находящийся в настоящее время в составе Республики Северная Осетия (Алания), обосновываются тем, что до насильственной и бесчеловечной депортации ингушей эта территория была местом их компактного проживания.

В период 90-х годов прошлого столетия на волне роста национального самосознания и суверенизации значительная часть населения республик в составе Российской Федерации, принадлежащая к титульной нации, идентифицировала себя с соответствующей республикой, но не с федеральным центром. Напротив, в тех условиях русскоязычное население и другие этнические группы, не принадлежавшие к титульной нации, в тех же республиках в большинстве своем идентифицировали себя с федеральным центром. Результат такого рода идентификаций выражался в оценке: чья политика является более разумной и правильной – республики или федерального центра. Эта идентификация с республикой

сыграла в то время роль инструмента социально-политической мобилизации значительной части населения региона.

Этническая идентичность до поры до времени остается политически нейтральной, поскольку затрагивает в первую очередь историческую судьбу народа, его традиции, культуру и язык. Однако, когда речь заходит о праве на национальную государственность или происходит этническая мобилизация ради достижения каких-то политических целей, этническая идентичность приобретает политическую окраску и становится этнополитической. Как отмечалось в зарубежной политической науке, «даже там, где этничность функционирует в контексте мультиэтнического общества со сверхвыраженным чувством патриотизма, как в Соединенных Штатах, самосознание этнической идентичности может оказывать мощное влияние на политический процесс. Однако в двадцатом веке наиболее значительное политическое выражение этничности происходило тогда, когда она становилась строительным блоком наций, стремящихся либо к самоопределению, либо к тому, чтобы сохранить свою этническую чистоту» [1, р. 2]. С одной стороны, национальная идентичность, национальное самоопределение и формирование новых государств могут представлять для населения главные источники гордости и самоуважения, но они создают также стимулы для этнической однородности и, соответственно, предпринимают систематические усилия, чтобы сделать маргинальными этнически «других» (см. [4, р. 79]).

В литературе справедливо подчеркивалась «важность понимания происхождения этнической идентичности в конкретном случае в качестве первого шага в понимании как способа, при помощи которого происходит мобилизация этнических общностей, так и их способности достичь своих целей и выжить в изменяющейся среде» [1, р. 7]. При этом считается, что «ключевым элементом в определении и воспроизводстве этнической идентичности» являются лингвистические признаки [5, р. 22].

Этническая идентичность может сыграть как положительную, так и отрицательную роль. Она важна как средство этнической мобилизации в случае ограничения или подавления прав и свобод этнической группы, отстаивания ею своих законных интересов. В условиях мирного и стабильного развития общества этническая идентичность может никак не проявлять себя. Но она резко возбуждается в случае наступления на интересы этнической группы. Например, попытки испанского диктатора Франко подавить национальные черты как баскской, так и каталонской наций привели к обратным результатам и укрепили национализм в Испании. Подобным же образом молодые турки в Болгарии обращали мало внимания на свое культурное наследие, пока община не столкнулась с политикой ассимиляции, проводившейся коммунистическим государством (см. [6, р. 5]). Или можно ли было отрицать положительное значение самого факта этнической мобилизации курдов, испытывавших жестокое притеснение со стороны турецкого и иракского правительств? Этническая идентичность усиливает политическую идентичность в случае совпадения с нею с точки зрения их направленности на защиту одних и тех же ценностей.

С другой стороны, этническая идентичность и основанная на ней этническая мобилизация могут сыграть разрушительную роль. Попытки политических элит некоторых республик в начале 90-х годов прошлого века использовать

этнический фактор для мобилизации титульной нации на борьбу за реализацию корыстных интересов этих элит представляли реальную угрозу целостности Российской Федерации. Следовательно, этническую мобилизацию нельзя рисовать белой или черной краской. Оценка ее должна быть дифференцированной и зависеть от целей, для достижения которых она осуществляется.

Этническая идентичность приобретает негативную политическую окраску и тогда, когда она используется для фактического обоснования преимуществ одной этнической группы перед другими. Дело в том, что многие этнические группы, составляя национальные меньшинства в стране в целом, являются большинством в местах своего компактного проживания и занимают доминирующее положение, особенно если имеют при этом политическую автономию, в то время как представители этнической группы, составляющей в стране в целом большинство, оказываются в этих этнорегионах меньшинством, которое не всегда может чувствовать себя комфортно.

Исследование ситуации в республиках Татарстан, Саха (Якутия), Северная Осетия выявило существование в этих республиках определенной дискриминации русских. Как полагает известный американский исследователь российских проблем Донна Бари, ссылаясь на результаты опроса общественного мнения, «большинство русских и многие татары, осетины и якуты считали, что национальность имеет важное значение для доступа к хорошей работе и для занятия высоких правительственных постов. Когда людей спросили, какие группы находятся в благоприятном положении, русские в своем подавляющем большинстве считали, что они имеют ограниченный доступ». Причем, как указывает автор, доказательств преимуществ титульных наций в экономической сфере меньше, чем в политической. В этой последней сфере титульные нации получили непропорционально большое представительство в выборных и невыборных органах государственной власти (см. [7, р. 677, 679, 681, 688, 691]).

Совершенно очевидно, что, если этнические меньшинства абсолютно правомерно резко реагируют против любого проявления дискриминации по отношению к ним, они и, главное, их политические элиты столь же решительно должны не допускать дискриминацию представителей других этнических групп в регионе своего компактного проживания. Здесь, как и в любом вопросе, недопустима позиция двойных стандартов.

Этническая идентичность в многонациональном обществе не снимает, а, напротив, усиливает необходимость формирования общенациональной, гражданской идентичности. Создание, например, общероссийской идентичности не требует отказа от этнической идентичности. Они вполне могут сочетаться. Безусловно, общегражданская идентичность усиливается за счет ассимиляции, которая может осуществляться в двух противоположных формах: стихийно в результате конкуренции культур и языков и насильственно в результате ограничения или даже подавления этнических меньшинств, сознательного воспрепятствования сохранению их традиций, развитию их культуры. Стихийная ассимиляция объективно неизбежна, насильственная ассимиляция – неприемлема.

Работа выполнена в рамках проекта № 4711 мероприятия 2 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

Summary

M.Kh. Farukshin. Ethnic Identity: Concept and Practice.

The article is devoted to the most important aspects of “ethnic identity” concept. The content of its two forms, self-identification and external identification, is revealed. The practical role of ethnic identification is shown for a status of ethnic group, ethnic mobilization, and formation of general civic identity.

Key words: ethnicity, identity, identification, self-identification, external identification, ethnic mobilization, ethnic group, general civic identity, kinds of identity, referent group, spontaneous assimilation, forcible assimilation.

Литература

1. *Rudolph J.* Politics and Ethnicity: a Comparative Study. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. – xiv+254 p.
2. *Spencer St.* Race and Ethnicity: culture, identity and representation. – L.: Routledge, 2006. – xx+276 p.
3. *Godzimirski J.* Putin and Post-Soviet Identity: Building Blocks and Buzz Words // Problem of Post-Communism. – 2008. – V. 55, No 5. – P. 14–27.
4. *Korostelina K. V.* Identity, autonomy and conflict in republics of Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. – 2008. – V. 41. – P. 79–91.
5. *Fought C.* Language and Ethnicity. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. – xiv+249 p.
6. *Birnir J. K.* Ethnicity and Electoral Politics. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. – 279 p.
7. *Bahry D.* Ethnicity and Equality in Post-communist Economic Transition: Evidence from Russia’s Republics // Europe – Asia Studies. – 2002. – V. 54, No 5. – P. 673–699.

Поступила в редакцию
30.11.09

Фарукшин Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Midkhat.Farukshin@ksu.ru*